

Сказки Горного дракона

Агни Шартъе

16+

Агни Шартъе
Сказки Горного дракона

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шартье А.

Сказки Горного дракона / А. Шартье — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Можно ли влюбиться в текст историй? О, да. Вы тоже влюбитесь в восточный слог, послевкусие рассказов Горного дракона. Это продолжение. Или начало перед встречей влюбленных. Вкусное, ароматное, пьянящее мужское видение любви... Это загадочный мир переживаний мага. Они еще не знали друг друга, но общались с помощью рассказов, и каждый из них думал, что это лишь мысли, что неожиданно пришли из ниоткуда и ушли в никуда...

Содержание

Введение	5
Акомпанемент	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Агни Шартье

Сказки Горного дракона

Введение

Можно ли влюбиться в текст историй? О да.

Когда автор пишет, он погружается с головой в свой рассказ. И пока он пишет, лучше его не выдергивать из этого состояния, ощущение у него будет, словно окатили ведром холодной воды и вернули из сказки в реальность. Так себе ощущение. Вспомните себя, когда у вас выросли крылья, но тут обязательно кто-то своим резким словом обрубал весь посыл что-то продолжать делать дальше. Крылья вяло опускались вниз, огонь в глазах тускнел, мир становился пресным.

Так вот, вы тоже влюбитесь в восточный слог, послекусие рассказов Горного дракона. Это продолжение. Или начало перед встречей влюбленных. Вкусное, ароматное, пьянящее мужское видение любви... Это загадочный мир переживаний мага.

Они еще не знали друг друга, но общались с помощью рассказов, и каждый из них думал, что это лишь мысли, что неожиданно пришли из ниоткуда и ушли в никуда...

Аккомпанемент

«Ты не знаешь меня, незнакома со мной...»

Я не знаю тебя, я с тобой незнаком. В этом нет вызова, ведь это так естественно – быть безнадежно незнакомым. Большинство мужчин и женщин незнакомы и никогда не будут знакомы меж собой, даже находясь порой друг от друга на расстоянии вытянутой руки. Однако это не значит, что мы с тобой чужие. Чужими люди становятся, только хорошо узнав друг друга. Мы же, к счастью, незнакомы. Ведь известно: знакомство множит угрозы, незнакомство дарит покой. А потому, знакомясь, следовало бы говорить не «будем знакомы», а «будем незнакомы». В этом шанс обрести безликую приязнь, такую же, как к не рождённым детям. К тому же, познакомиться с женщиной – это как открыть случайный сосуд с заведомо подозрительным содержимым. Тогда почему моя рука против воли тянется сбить сургуч с опечатанного горлышка, чтобы позволить тревожному любопытству наблюдать, как под действием скрытых таинственных сил приходит в движение пробка? Ты ожила, ты явилась из ниоткуда, и вот я уже иду за тобой!

«Ты не видишь, как следую я за тобой...»

Но почему именно за тобой? Почему ты и почему я? Может, я неразборчив? Может, мне лень искать тебя на другом краю света? Но нет, я не всеяден. Среди парада силуэтов, дефиле контуров, демонстраций изгибов и покачиваний, набора гримас и ужимок я могу признать и водрузить на пьедестал ту единственную комбинацию, что не поддается объяснению и сказать про все остальные: «Черт ее поймет, эту природу – то ли сил у нее не хватило, то ли терпения...» Еще совсем недавно я представлял тебя белокурой и немногословной, нежной и преданной, в серебряном платье с квадратным вырезом, с острыми плечами, тонкими обнаженными руками и теплыми ладонями. Но вот из пестрой акварели дня выступила совсем другая, совсем непохожая, и в моем левом боку пониже ребер потная толстуха выплеснула наружу ушат мутной воды, и пошла растекаться по телу отравя необъяснимого чувства, меняя мир и сознание, отрекаясь от прошлого и кромсая будущее. И вот я уже следую за тобой на достойном расстоянии, и мои мысли гибнут в лучах твоего женственного обаяния!

«Как мне путаешь мысли сияньем твоим...»

Мои мысли до сего дня, следуя неслышному течению времени, упрямо прокладывали собственное русло, умели точить породу явлений, могли ее взрывать, обтекать, скапливаться перед преградой, чтобы, набрав массу, прорвать ее ревушим напором. Теперь они мечутся, загнанные в угол, спасаясь от тихого свечения твоего сокрушительного совершенства и завидуя тому беспечному парню, что выбежал когда-то из дома с наушниками на ушах и сигаретой во рту. В ушах – музыка, во рту – дым, в голове все стройно и ясно: музыка – это сублимация самого древнего музыкального акта – полового, а в сигарете живет реликтовый дым костра. Теперь в моей голове – слепота и разруха, а в сердце – смирение и новый свет. Так бывает: молчит затаившееся в нас верховное божество, снисходительно глядя на наши упрямые попытки обмануть самих себя – ведь в нашей жизни нет другого смысла, кроме того, который мы сами ей придаем – и вдруг оно встает внутри нас в полный рост так, что тесна становится нам оболочка, и вся наша прежняя жизнь выдавливается через поры словно пот, который нам остается только стряхнуть. Оживут ли, наберут ли прежнюю силу мои мысли, зависит отныне от тебя. А пока я иду, погрузив чувства и душу в наивную свежесть твоей красоты...

«Как иду, погрузив душу, чувства мои я в наивность и свежесть твоей красоты...»

Там под сенью сомкнувшихся крон дышат миндалем и ванилью изумрудные газоны; там колышутся леса и поля, волнуя воздух пьянящим холодком дикой воли; там, забытые ушедшей грозой, стекают на траву робкие капли дождя, и гибкие тела радуг по просьбе горизонта исполняют «мостик». Там морские лазурные воды с пенным вздохом несут жемчужную дань

желтому песку; там из крутых бедер вырастают стройные бюсты пальм и тягучим шагом плывут сквозь марево миражей; там набухшие груди винограда темно-розовыми сосками тянутся к алым губам.

Там, оставляя розовые следы, стекают за горизонт расплавленные лучи и в сиреневых сумерках меркнут вечерние краски; там, отправляясь в ночь, волнуются ароматы цветов и стихает озноб листьев; там, вздымая паруса, неспешно встает ночь и млечно-бледным настоем полнятся реки; там, в сумерках небес теплятся звезды, склоняя к ее изголовью мерцающий букет. Там диск луны скользит меж яблочных ветвей, и труженик-фонтан дробит добытую изпод земли струю на бриллианты. Там телесный аромат, как благовонный дым полнит девичью спальню, где в тихой неге живут грустно-нежные мечты и сладкие сны. Там за окном кто-то стройный и безликий облокотился на лунный свет.

«Как у лета заря твои взоры чисты, так невинно еще ты раздать их спешишь...»

Там, где я вижу грузные, истерзанные временем камни, ты видишь красивые, радостные дома, спешащие поравняться с тобой, чтобы укрыть тебя от жаркого внимания солнца. В надоедливой суете улицы ты находишь карнавальное присутствие праздника. В состарившемся тротуаре ты узнаешь веселую игру трещин и выбоин в «классики». Потрепанного ловеласа, изводящего тебя похотливыми взглядами, ты считаешь милейшим дедушкой, готовым угостить тебя яблоком. Реклама и витрины обращены к тебе внимательным, заботливым взглядом. Кругом тебя новые лица, новые формы и обстоятельства. Всяк тебе интересен и безобиден, ни от кого не ждешь ты подвоха. О чем щебечет та птица? Что хочет сказать это облако? О чем задумался светофор? Ты будто явилась из другого мира. Твое первобытное любопытство не ищет угрозы в окружающем, оно скользит по нему, как челнок ткацкого станка, ткущего яркую веселую ткань. Твои глаза цвета бездонной осени, обведенные атласом ресниц, словно приглашают разделить с тобой радость жизни. Кто осмелится сказать про тебя нынешнюю: «Девушка лгала и от этого была вынуждена прятать глаза»? Но делясь любопытством, ты еще не научилась замечать смущение, которое причиняешь...

«И не знаешь пока, что смятенье вершишь...»

Тебе нет нужды обращать на себя внимание. За тебя это делают твоё обжигающее сияние, твой непорочный облик и случайная грация подростка, ещё владеющая твоим юным, но уже готовым к любви телом. Я угадываю это в безнадежно опешивших и непримиримо расстроённых лицах мужчин. Большинство из них, миновав тебя, оборачиваются вслед, перед тем как начать приводить в порядок ошпаренные чувства, про которые говорят: «Взял сахар, чтобы рыбу посолить». Кроме них (я это вижу) есть те, кто не торопится тебя обгонять. Все они, как и я – из бывших в употреблении. Они следуют за тобой развернув плечи, пружиня шаг и молодецки поводя глазом. Порицать их не за что, поощрять неразумно. Трудно вообразить, на что они готовы пойти, чтобы оказаться в твоей постели. Какое счастье, что ты этого ещё не знаешь и не замечаешь! Однако твоя способность смущать идет дальше – она действует на нервы женщинам. Видя их каменеющие лица, я начинаю бояться за тебя – вот от кого исходит реальная угроза! Какое несчастье, что ты этого ещё не знаешь и не замечаешь! Как и не замечаешь того, что я бледен, волнуюсь и страдаю возле тебя!

«И не видишь пока ты, минуя меня, что смущен и страдаю я возле тебя!..»

Как же мне не быть бледным – ведь ты отняла у меня воздух. Как же мне не страдать – ведь самое большее, на что я могу рассчитывать это быть твоим великовозрастным братом при поздней сестре. Могу стать – и то при условии, что удачно воспользуюсь твоей снисходительностью – нетребовательным другом и советчиком: ведь этот мир так неисправимо опасен! Ведь на свете ещё так много вещей, которые до сих пор не названы их настоящими именами! Только бескорыстному, глубоко страдающему за тебя человеку по плечу такая задача. Ради тебя я помолодею на пятнадцать лет, стану беспечным и глупым, изучу глянцевого журналы, освою албанский язык и заведу блог. Буду чутким к твоему настроению, быстро перестроюсь,

если ты захочешь повзрослеть, буду всегда рядом, чтобы выполнить любое твоё желание. Во мне нет робости, я готов поспорить за тебя. Я не рассчитываю на твою любовь, мне достаточно будет любопытства, и я его удовлетворю! Как бы ни было, но я пойду за тобой дальше всех и узнаю, где ты живешь. Надеюсь, воздуха мне хватит! Но...

«Для кого ж ты цветешь? Кто испьет из очей нежный свет? Кто узрит любви первой твоей опьяненье весны?..»

Но... как часто бывает, одного моего устремления, даже самого устремленного, может оказаться мало. Может случиться (если уже не случилось), что у тебя есть и друг, и советчик, и старший брат, и не в одном экземпляре, которые не захотят тебя отдать (это мы еще посмотрим). Или ты сама под влиянием момента поднимешь меня на смех (что, впрочем, не самое страшное), а самое страшное, что у тебя уже есть некто такой же юный, любопытный и порывистый, с которым тебя связывает обоюдное чувство, такое нерадиво безрассудное в вашем возрасте. И вот тогда мне точно придется заламывать руки, вопрошая себя: «Неужели какой-то глупый мальчишка, даже не представляющий толком каким сокровищем владеет и у которого всего-то и преимущества передо мной, что румяное лицо да пухлые губы, неужели этот прыщ, который только и умеет, что корчить из себя бывалого мужчину возьмет тебя в руки, как тугой бутон розы и поцелует прокуренными дешевым табаком губами в закрытые глаза, и ты в ответ обхватишь его шею и ответишь ему долгим, хмельным поцелуем?» Нет, это невозможно себе представить!

«И каким будет тот, кто однажды к себе робкой птицей прижмет?..»

Или рядом с тобой уже есть некто взрослее тебя, кто распугал твоих сверстников и сторожит твою весну, терпеливо дожидаясь своего часа. Возможно, он сын хороших знакомых твоих родителей, вхож в твой дом и пользуется этим, чтобы заколдовать тебя решительным тоном, броскими поступками, снисходительными суждениями. Неотразимо нездешний, как одеколон «Фаренгейт», он исподволь готовится заключить тебя в объятия, карауля момент, когда родителей не будет дома.

Или это отчаянный соседский сын, над выкрутасами которого ты ахала и замирала еще девчонкой, трогая его ссадины и шишки и с жалостью спрашивая: «Больно?» А он посмеивался и отвечал: «Нисколечко, малявка!» И ты, успокоенная, бежала от него, как от старшего брата играть с девчонками дальше, зная наверняка, кому ты пожалуешься, если тебя обидят. Но однажды он увидел тебя и оробел, а ты даже не поняла, что случилось, почему он больше не зовет тебя малявкой, а только улыбается и молчит. И пришел день, когда он осторожно взял тебя за руку и задержал в своей руке, боясь, что ты ее отдернешь, но ты не отдернула, и вы стояли и говорили, опуская по очереди ресницы. Он медленно притянул тебя к себе, а ты отделилась от него согнутыми в локтях руками, не готовая к тому, что может случиться...

«Кто власы молодые распушит в тиши? Кто вдохнет, о цветок, чистый запах души?..»

К чему продолжать мои виртуальные мучения? К чему терзать себя фантазиями на темы, далекие от моего нынешнего положения? К чему предаваться унылым видениям, парализующим волю и решимость? Если у тебя уже кто-то был, то мне следует всего лишь принять этот факт к сведению и далее действовать, как велит сердце. Если же я, как и прочие, первый, но у меня ничего не выйдет, то непременно найдется кто-то другой, кто поступит с тобой так же, как это сделал бы я. Потому что на яркий, благоухающий цветок рано или поздно сядет пчела – не та, так другая – и станет забирать из него самое драгоценное, проникая хоботком в доверчиво раскрытые глубины. Только иные цветы, как проходной двор: бери – не хочу! Какие уж тут волосы, какая там душа! Но есть такие, над которыми пчелам приходится потрудиться, чтобы они раскрылись. И пчелы трудятся, потому что с точки зрения пчел таким цветам есть, что скрывать. Однако мало кто из пчел (а, скорее всего, никто) знает, что не они прилетают опылять цветы, но цветы приманивают пчел, чтобы их опылили. Да, я, как и всякая другая

пчела, делал бы то же самое, но по-другому, потому что знаю – не цветы для пчел, но пчелы для цветов! А потому...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.